

СИСТЕМНАЯ ТЕОРИЯ Н. ЛУМАНА В ПРИЛОЖЕНИИ К АНАЛИЗУ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Погожина Наталья Николаевна – аспирант.
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4;
e-mail: nat60089784@yandex.ru

Данная статья представляет собой размышления о работе Н. Лумана, в русском переводе вышедшей под названием «Истина, знание, наука как система». В статье реконструируется подход Н. Лумана к рассмотрению науки как одной из коммуникативных систем общества, выполняющей функцию по выработке знаний. В рамках данного подхода отдельным образом рассматривается истинностная проблематика, которая выражена с помощью терминов языка теории символически генерализованных медиакоммуникаций. Особое внимание уделяется потенциалу реконструируемой теории в рамках анализа современного научного сообщества и отношению системы науки к другим коммуникативными системами (ее от-дифференцированию от них и возможности взаимодействия).

Ключевые слова: Н. Луман, системная теория, истина, знание, наука, коммуникация, социология знания

N. LUHMANN'S THEORY OF SYSTEMS IN THE APPLICATION TO THE ANALYSIS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Natalya N. Pogozhina – PhD student.
Lomonosov Moscow State University,
27/4 Lomonosovsky Ave.,
Moscow, 119991, Russia;
e-mail: nat60089784@yandex.ru

This article represents the review of the Russian translation of N. Luhmann's work which was published under the title «Truth, knowledge, science as a system». In article N. Luhmann's approach to consideration of science as one of the communicative systems of society performing function on development of knowledge is reconstructed. Within this approach we consider in a separate way the truthconditional perspective which is expressed by means of terms of language of the theory symbolically the generalized of media of communications. Special attention is paid to the potential of the reconstructed theory in the analysis of modern scientific community and to the relation of scientific system to other communicative systems (its differentiation from them and the possibility of interaction).

Keywords: N. Luhmann, theory of systems, truth, knowledge, science, communication, sociology of knowledge

Предметом обсуждения данной статьи выступает книга «Истина, знание, наука как система», которая является русским переводом работы Н. Лумана “Die Wissenschaft der Gesellschaft” [Luhmann, 1992], допол-

* Статья подготовлена при поддержке фонда РФФИ, грант № 17-03-00733 «Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в применении к Российскому обществу» и проект № 18-011-00980 «“Социальная эволюция” и “прогресс” как категории номотетического познания».

ненным предисловием переводчика (А.Ю. Антоновского) и включающим в себя следующие главы: «Знание», «Истина», «Наука как система» и «Правильные основания науки» [Луман, 2016, с. 7–56]. Книга непроста для восприятия: во-первых, потому что содержит обширный теоретический материал (в примечаниях автор указывает на большое количество исследований как в рамках естественных наук, так и на разработки в сфере социально-гуманитарного знания и историко-философские источники), а во-вторых, из-за трудности языка изложения. Н. Луман видит причину нагруженности текста в сложности самой теории: «Этот ход мысли слишком сложен для линейной презента-

ции, каковой требует письменная речь. Повторы, как и рекурсивные метания взад и вперед, должны учитывать нелинейную архитектуру теории» [Луман, 2016, с. 58].

В своем анализе мы будем отталкиваться от заявленной в работе структуры и попытаемся частично осветить основные аспекты проблемы, обозначенные автором. Однако прежде чем обратиться к первому понятию, требующему детального рассмотрения – «знанию», необходимо в известной степени воспроизвести логику системно-коммуникативного подхода, в рамках которого Н. Луман выстраивает свой анализ науки.

Социальная теория Н. Лумана очень масштабна. Для того чтобы ответить на ставший классическим для социологии вопрос: «Как возможно общество?», – исследователь детально анализирует множество дисциплинарных областей. Одной из главных теоретических предпосылок для него является различие системы и внешней среды. Именно системная референция общества в дальнейшем делает необходимым переосмысление понятий «познания» и «знания» [Луман, 2016, с. 59].

Важно обратиться к центральным понятиям в концепции Н. Лумана – «системе» и «наблюдению». В своем понимании системы Н. Луман вполне конкретен – система не просто метафора или абстрактная конструкция, а вполне «реальное» (безотносительно к реальности «как таковой») различие самое себя и внешнего по отношению к системе мира. Именно это свойство системы конституирует ее. Операции с системой (наблюдение и описание), трактуемой таким образом, с необходимостью должны быть ограничены некими рамками,

иначе выходит, что проведение различий будет носить бесконечный характер. Этими рамками выступают реальные и актуальные различия, то есть производится селекция – наблюдатель может наблюдать с помощью только тех различий, которые ему известны и которые, следовательно, он может различить. В связи с этим возникает проблема «слепого пятна» наблюдения – наблюдатель не может наблюдать свое наблюдение в тот момент, когда его осуществляет. Эта проблема может быть снята лишь введением наблюдения второго порядка или «наблюдением наблюдения».

Ключевым свойством системы является ее автопоэтичность. Именно это свойство делает возможным создание некоей универсальной теории, поскольку «задает» принцип функционирования системы как таковой. Под автопоэзисом понимается способность системы к воспроизводству самой себя из своих же ресурсов [Луман, 2004]. Н. Луман использует предложенный биологами У. Матураной и Ф. Варелой понятийный аппарат для конструирования теории социальных систем [Варела, Матурана, 2001]. Система является замкнутой по отношению к внешнему миру. Однако эту «замкнутость» необходимо понимать особым образом – с одной стороны, существует некое различие системы и того, что системой не является, с другой, очевидна проницаемость «границы», то есть наличие связи с внешним миром. Все процессы, которые происходят внутри системы, регулируются средствами, уже в ней содержащимися, что позволяет постоянно поддерживать ее целостность и наделяет адаптивностью к меняющимся условиям среды.

Н. Луман подчеркивает значимость биологической теории познания: «...все, что использует различия, уже представляет собой наблюдение. Наблюдение же как таковое – одна из автопоэтических операций. Всякое объяснение познания предполагает тем самым объяснение наблюдения, а каждое объяснение наблюдения предполагает объяснение жизни... Вывод звучит так: “познание есть биологический феномен и лишь так оно может быть понято”» [Луман, 2016, с. 66–67].

Именно такой радикальный взгляд позволяет говорить о различных типах автопоэзиса и закладывает базовую характеристику знания «в рамках системной референции некоторой социальной системы, а именно – общества» [Луман, 2016, с. 68]. Основой здесь выступает коммуникация, вернее, различные типы коммуникации, если мы говорим о демаркации, к примеру, «научного» и «не-научного».

Еще одной методологической предпосылкой Н. Лумана в анализе науки выступает логика различения, разработанная Дж. Спенсером-Брауном. Необходимо заметить, что Н. Луман в отличие от У. Матураны и Ф. Варелы работает с системами смысла, поэтому ему необходима особая интерпретация логики Дж. Спенсера-Брауна, которая

позволила бы ввести не только пространственное разграничение, но и временное, свойственное событиям смысловых систем. Эта интерпретация вызвала ряд критических замечаний [Hennig, 2000].

Концепцию Дж. Спенсера-Брауна можно охарактеризовать как логическую систему, при построении которой автор исходит из разделения наблюдателя и наблюдения. Центром этой системы является различие – именно благодаря нему происходит акт наблюдения. Дж. Спенсер-Браун выводит два основных закона и использует для их графического изображения знак “mark”, наглядно демонстрирующий разделение, свойственное акту наблюдения, поскольку сам знак выглядит как разграничительная линия, делящая пространство написания на две части. В этой системе два основных закона: первый – закон именованности – раскрывает механизм присвоения имени. Ключевым здесь является не «привычное» восхождение к общему, а повторяемость, порождающая наименование. Второй закон декларирует различие самого знака, за которым нет ни смысла, ни корреляции с некой внесистемной реальностью, таким образом, по ту сторону знака находится лишь не-различное, которое невозможно описать с помощью данного различия.

Различие также выполняет функцию фиксатора состояния и самой операции, поскольку нечто может быть обозначено только с помощью отсылки к разграничению самого себя и того, что выступает в данной ситуации не-различаемым. Далее указание на само различие предполагает появление значения, а следовательно, и имени, которое будет выражать то содержание, которое заключает в себе различие. **Н. Луман, как было отмечено выше, работает с системами смысла, поэтому он, в отличие от исследователей, занимающихся живыми системами, не может ограничиться только пространственными различиями.** Временная характеристика здесь вводится по средствам идеи двузначного кода, заключенного на концах разграничения. Предполагается отнесенность ко времени, свойственная для смысловых систем, поскольку невозможно одновременно оказываться на обоих концах кода.

Опора на вышеизложенные логические принципы позволяет Н. Луману выработать конструктивистское понимание ключевых для научной системы коммуникации понятий «знания» и «истины».

Сущность знания двояка: с одной стороны, оно представляется собой череду сообщений, а с другой – относится к переживаниям. Как отмечает А.Ю. Антоновский: «Лишь структурное сопряжение обсуждения воспринятого события с его ментальной переработкой дает возможность создавать иллюзию преодоления внутрисистемной закрытости коммуникативных и психических систем и тем самым иллюзию доступа к реальности. Ведь и само сознание с его аналоговой (фотографической) картинкой внешнего мира для коммуникации в сущности недоступно. Ведь коммуникативные системы состоят лишь из подсоединяющихся друг к другу сообщений, и сам внешний мир

как таковой, в виде его переживания сознаниями, не способен “подсоединиться” к коммуникации в качестве элементов самой этой системы сообщений» [Антоновский, 2017а].

Однако очевидной является ключевая роль коммуникации в выработке нового знания, которая может быть обозначена следующим образом: «“Истина” и “новизна” суть понятия коммуникативные, а корни коммуникации уходят в глубины антропогенеза. И тогда, и сейчас все человеческие достижения обязаны именно коллективному существованию... Так, современная наука радикально отличается от классической, среди прочего тем, что она не является делом любителей-одиночек; это крупное коллективное предприятие, неотделимое от политики, бизнеса и культуры. А потому и познание в узком смысле как стремление к истине, открытие нового в науке наших дней едва ли может быть отделено от обращения знания в обществе. Нет изолированного процесса получения готового знания, которое затем становится предметом коммуникации, не добавляющей к нему никакого познавательного содержания» [Касавин, 2013].

Н. Луман предпринимает попытку анализа научного знания, исходя из других посылок, нежели, например, сторонники дисциплины STS, которые, однако, стремились «осуществить адекватный и эффективный анализ любой научной дисциплины, как естественной, так и социально-гуманитарной (и, соответственно, самой себя, о чем говорит, в частности, требование рефлексивности в программе Д. Блур)» [Столярова, 2015].

Значимой для толкования специфики научного знания согласно концепции Н. Лумана является дистинкция действия/переживания. Дело в том, что научная система коммуникации выстраивается на основе «переживания», а не на основе «действия», как это происходит, например, в случае политической системы. Н. Луман связывает этот факт со спецификой удостоверения в истинностном знании. Акцент смещается на операционную трактовку истины, которая предполагает разработку единого «объяснительного поля», для того, чтобы операции были «читаемы» всеми участниками научной коммуникации, что, в свою очередь, позволяет убеждаться в истинности именно посредством совместного переживания. Таким образом происходит смещение угла зрения от толкования истины через ее предметное измерение: «В этом состояло существенное отличие социологического взгляда Лумана на истину как на легитимирующую инстанцию нового знания от более ранней социально-эпистемологической интерпретации истины в социологии знания, представляющий другой полюс атаки на традиционные представления об истине как соответствии знания и предмета (Д. Блур и Б. Барнс). Последних не устраивала традиционная асимметричность в подходе к истине: различие социальности лжи и натуральности истины» [Антоновский, 2017а].

Бинарность кода истины («истина»/«ложь») позволяет обеспечить подсоединительную способность операций (в рамках классической схемы коммуникации: сообщение-понимание-принятие(акцепция)/отклонение). Н. Луман акцентирует внимание на противоположной стороне кода – «ложности». На этой стороне не осуществляется подсоединение, и это позволяет производить здесь различие самого различия. Это значит, что порядок конституируется внутри самой системы, и система, используя символ «истины» в качестве наблюдения второго порядка, может обращаться к другой стороне кода – «ложности», уточнять «истину» и т. д., но это никогда не приведет к выходу за рамки системы и «столкновению» с внешним миром, поскольку система замкнута и наблюдает лишь саму себя и свои состояния. Эта точка зрения в корне отличается от классических интерпретаций связки «истина»/«ложь»: «Эти языковые трудности указывают, однако, лишь на то, что наш язык сформировался в обществе, которое уже более не является нашим обществом. Знание было для этого общества имплицитно истинным знанием, а заблуждение не являлось равноправным ему феноменом. Также и причина этого обстоятельства нам уже известна. Заблуждения выступают лишь как ошибки, лишь как отклоняющиеся личные мнения, лишь как случайные события, в то время как мировая взаимосвязь, очевидная для всех разумных людей, сама по себе представлена как упорядоченная» [Луман, 2016, с. 106].

Н. Луманом последовательно критикует корреспондентную концепцию истины: «...истина есть коммуникативный символ, который либо успешно применяется, либо не используется, который либо ассоциируется с коммуникациями и перенимается ими, а значит – входит в дальнейшие коммуникации, или этого не происходит. Сама истина наличествует, следовательно, как момент операций или не наличествует. Сама истина не является «релятивной». Мы утверждаем, то она используется исключительно самореференциально и должна так использоваться. Она не содержит в себе никакой инореференциальности, ибо не существует никакой истины вне этой истины. Вопреки распространенному пониманию, тем не менее исключение инореференции и отказ от всякого рода теории адекватности или корреспонденции истины ни в коем случае не ведет к релятивизму или даже к “anything goes”. **Имеет место прямо противоположное. Истина функционирует как символ, непосредственно используемый в эмпирически наблюдаемых процессах. Осуществляется только то, что осуществляется»** [Луман, 2016, с. 110].

Важным является включение в анализ истины не только предметного и временного, но и социального измерения. Н. Луман подчеркивает роль авторитета ученого в научных кругах, репутации и особенностей ее формирования: «Репутация выступает неким вторичным кодом, который способен облегчить фиксацию и наблюдение самого

по себе в нормальной ситуации научного исследования ненаблюдаемый код истины/лжи, всегда остающийся слепым пятном научной коммуникации. Ведь теперь мы видим человека, открывшего и сформулировавшего истинное знание и в этом смысле словно несущего истину» [Антоновский, 2017а].

Системная теория Н. Лумана безусловно обладает большим прогностическим потенциалом и в известной степени претендует на универсальность [Антоновский, Бараш, 2017, с. 122]. Настоящая книга позволит русскоязычным читателям познакомиться с нетривиальным взглядом исследователя на развитие и функционирование науки и с оригинальной конструктивистской трактовкой истины [Антоновский, Лекторский (ред.) и др., 2008, с. 3–5].

Обращаясь к генезису взглядов Н. Лумана, мы видим их внутреннее эволюционное развитие и сложность становления единой перспективы наблюдения. В этой связи особую ценность представляет содержательное предисловие и комментарии переводчика.

Список литературы

Антоновский, 2017а – Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // *Вопр. философии*. 2017. № 7. С. 158–171.

Антоновский, Бараш, 2017 – Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Истина и власть как категории социальной философии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. Т. 141. № 5. С. 120–134.

Антоновский, Лекторский (ред.) и др., 2008 – Антоновский А.Ю. и др. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // *Вопр. философии*. 2008. № 3. С. 3–37.

Варела, Матурана, 2001 – Варела Ф., Матурана У. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Касавин, 2013 – Касавин И.Т. Знание и коммуникация: к современным дискуссиям в аналитической философии // *Вопр. философии*. 2013. № 6. С. 46–57.

Луман, 2016 – Луман Н. Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016. 408 с.

Луман, 2004 – Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 236 с.

Столярова, 2015 – Столярова О.Е. История и философия науки vs STS // *Вопр. философии*. 2015. № 7. С. 73–83.

Hennig, 2000 – Hennig B. Luhmann und die Formale Mathematik // *Die Logik der Systeme. Zur Kritik der Systemtheoretischen Soziologie Niklas Luhmanns* / Hrs.: v. Peter-Ulrich Merz-Benz und Gerhard Wagner. Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 2000. S. 157–198.

Luhmann, 1992 – Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1992. 732 S.

References

Antonovskii, A. Yu. “Nauka kak obshchestvennaya podsystema. Niklas Luman o mekhanizmax sotsial’noi evolyutsii znaniya i istiny” [Science as a Social Subsystem. Niklas Luhmann about Mechanisms of Social Evolution of Knowledge and Truth], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 7, pp. 158–171. (In Russian)

Antonovskii, A. Yu.; Barash R. E. “Istina’ i ‘vlast’ kak kategorii sotsial’noi filosofii” [“Truth” and “authority” as categories of social philosophy], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*, 2017, no. 5, pp. 120–134. (In Russian)

Antonovskii, A. Yu.; Lektosky, V. A. (ed.) “Konstruktivizm v epistemologii i naukax o cheloveke (materialy ‘ruglogo stola’)” [Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion)], *Voprosy filosofii*, 2008, no. 3, pp. 3–37. (In Russian)

Hennig, B. “Luhmann und die Formale Mathematik”, in: *Die Logik der Systeme. Zur Kritik der Systemtheoretischen Soziologie Niklas Luhmanns* / Peter-Ulrich Merz-Benz und Gerhard Wagner (eds.). Konstanz: Universitätsverlag Konstanz, 2000, S. 157–198.

Kasavin, I. T. “Znanie i kommunikacija: k sovremennym diskussijam v analiticheskoj filosofii” [Knowledge and communication: to modern discussions in analytic philosophy], *Voprosy filosofii*, 2013, no. 6, pp. 46–57. (In Russian)

Luhmann, N. *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992. 732 S.

Luhmann, N. *Obshchestvo kak sotsial’naya sistema* [Society as a Social System]. Moscow: Logos, 2004. 236 pp. (In Russian)

Luhmann, N. *Istina, znanie, nauka kak sistema*. [Truth, Knowledge, Science as a System]. Moscow: Logos, 2016. 408 pp. (In Russian)

Stoliarova, O. E. “Istorija i filosofija nauki vs STS” [History and Philosophy of Science vs STS], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 7, pp. 73–83. (In Russian)

Varela, F., Maturana, U. “Drevo poznaniya” [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Moscow: Progress, 2001. 224 pp. (In Russian)